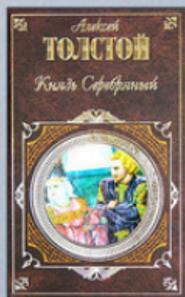

Алексей Константинович Толстой

Против течения (сборник)

Часть сборника
Князь Серебряный (сборник)

Алексей Константинович Толстой

Против течения (сборник)

«Ваше величество, долго думал я о том, каким образом мне изложить Вам дело, глубоко затрагивающее меня, и пришел к убеждению, что прямой путь и здесь, как и во всех других обстоятельствах, является самым лучшим. Государь, служба, какова бы она ни была, глубоко противна моей натуре; знаю, что каждый должен в меру своих сил приносить пользу отечеству, но есть разные способы приносить пользу. Путь, указанный мне для этого провидением, – мое литературное дарование, и всякий иной путь для меня невозможен...

Содержание

Алексей Константинович Толстой Против течения (сборник)	0004
#2	0010
#3	0012
#4	0013
#5	0014
#6	0016
#7	0020
#8	0024
#9	0026
#10	0028
#11	0031
#12	0033
#13	0038

Алексей Константинович Толстой Против течения (сборник)

А . К. Толстой – Александру II
Август или сентябрь 1861 г. [1]

Ваше величество, долго думал я о том, каким образом мне изложить Вам дело, глубоко затрагивающее меня, и пришел к убеждению, что прямой путь и здесь, как и во всех других обстоятельствах, является самым лучшим. Государь, служба, *какова бы она ни была*, глубоко противна моей натуре; знаю, что каждый должен в меру своих сил приносить пользу отечеству, но есть разные способы приносить пользу. Путь, указанный мне для этого провидением, – мое *литературное дарование*, и всякий иной путь для меня невозможен. Изменя всегда будет плохой военный и плохой чиновник, но, как мне кажется, я, не впадая в самомнение, могу сказать, что я хороший писатель. Это не новое для меня призвание; я бы уже давно отдался ему, если бы в течение известного времени (до сорока лет) не насило-

вал себя из чувства долга, считаясь с моими родными, у которых на это были другие взгляды. Итак, я сперва находился на гражданской службе, потом, когда вспыхнула война, я, как все, стал военным. После окончания войны я уже готов был оставить службу, чтобы всецело посвятить себя литературе, когда Вашему величеству угодно было сообщить мне через посредство моего дяди Перовского [2] о Вашем намерении, чтобы я состоял при Вашей особе. Мои сомнения и колебания я изложил моему дяде в письме, с которым он Вас знакомил, но так как он еще раз подтвердил мне принятое Вашим величеством решение, я подчинился ему и стал флигель-адъютантом Вашего величества. Я думал тогда, что мне удастся победить в себе натуру художника, но опыт показал, что я напрасно боролся с ней. *Служба и искусство несовместимы*, одно вредит другому, и надо делать выбор. Больше похвалы заслуживало бы, конечно, непосредственное деятельное участие в государственных делах, но призвания к этому у меня нет, в то время как другое призвание мне дано. Ваше величество, мое положение смущает

меня: я ношу мундир, а связанные с этим обязанности не могу исполнять должным образом.

Благородное сердце Вашего величества простит мне, если я умоляю уволить меня окончательно в отставку, не для того чтобы удалиться от Вас, но чтобы идти ясно определенным путем и не быть больше птицей, щеголяющей в чужих перьях. Что же касается до Вас, государь, которого я никогда не перестану любить и уважать, то у меня есть средство служить Вашей особе, и я счастлив, что могу предложить Вам: это средство – *говорить во что бы то ни стало правду*, и это – единственная должность, возможная для меня и, к счастью, не требующая мундира. Я не был бы достоин ее, государь, если бы в настоящем моем прошении прибегал к каким-либо умолчаниям или искал мнимых предлогов.

Я всецело открыл Вам мое сердце и всегда готов буду открыть его Вам, ибо предпочитаю вызвать Ваше неудовольствие, чем лишиться Вашего уважения. Если бы, однако, Вашему величеству угодно было предоставить право приближаться к особе Вашего величества

только лицам, облеченным официальным званием, позвольте мне, как и до войны, скромно стать камер-юнкером, ибо мое единственное честолюбивое желание, государь, — оставаться Вашего величества самым верным и преданным подданным.

Гр. А. Толстой [3]

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

1

Други, вы слышите ль крик оглушительный:

«Сдайтесь, певцы и художники! Кста-ти ли

Вымыслы ваши в наш век положительный?

Много ли вас остается, мечтатели?

*Сдайтесь натиску нового времени,
Мир отрезвился, прошли увлечения —
Где ж устоять вам, отжившему пле-мени,
Против течения?»*

2

*Други, не верьте! Все та же единая
Сила нас манит к себе неизвестная,
Та же пленяет нас песнь соловьиная,*

Те же нас радуют звезды небесные!

Правда все та же! Средь мрака ненастного

*Верьте чудесной звезде вдохновения,
Дружно гребите, во имя прекрасного,
Против течения!*

3

Вспомните: в дни Византии расслабленной,

*В приступах ярых на божьи обители,
Дерзко ругаясь святыне награбленной,
Так же кричали икон истребители:*

«Кто воспротивится нашему множеству?»

*Мир обносили мы силой мышления —
Где ж побежденному спорить художеству*

Против течения?»

4

*В оные ж дни, после казни Спасителя,
В дни, как апостолы шли вдохновенные,*

*Шли проповедовать слово учителя,
Книжники так говорили надменные:*

*«Распят мятежник! Нет проку в осме-
янном,
Всем ненавистном, безумном учении!
Им ли убогим идти галилеянам
Против течения!»*

5

*Други, гребите! Напрасно хулители
Мнят оскорбить нас своею горды-
нею —
На берег вскоре мы, волн победители,
Выйдем торжественно с нашей свя-
тынею!*

*Верх над конечным возьмет бесконеч-
ное
Верю в наше святое значение,
Мы же возбудим течение встречное
Против течения!*

1867

*Эти бедные селенья.
Эта скудная природа!*

Ф. Тютчев

*Одарив весьма обильно
Нашу землю, царь небесный
Быть богатою и сильной
Повелел ей повсеместно.*

*Но чтоб падали селенья,
Чтобы нивы пустовали —
Нам на то благословенье
Царь небесный дал едва ли!*

*Мы беспечны, мы ленивы,
Все у нас из рук валится.
И к тому ж мы терпеливы —
Этим нечего хвалиться!*

Февраль, 1869

И. А. ГОНЧАРОВУ

*Не прислушивайся к шуму
Толков, сплетен и хлопот,
Думай собственную думу
И иди себе вперед!*

До других тебе нет дела,
Ветер пусть их носит лай!
Что в душе твоей созрело —
В ясный образ облакай!

Тучи черные нависли —
Пусть их виснут – черта с два!
Для своей живи лишь мысли,
Остальное трын-трава!

1870

Темнота и туман застилают мне
путь,
Ночь на землю все гуще ложится,
Но я верю, я знаю: живет где-нибудь,
Где-нибудь да живет царь-девица!

Как достичь до нее – не ищи, не гадай,
Тут расчет никакой не поможет,
Ни догадка, ни ум, но безумье в тот
край,
Но удача принести тебя может!

Я не ждал, не гадал, в темноте поска-
кал
В ту страну, куда нету дороги,
Я коня разнуздал, наудачу погнал
И в бока ему втиснул остроги!

Август 1870

В монастыре пустынном близ Кордовы

*Картина есть. Старательной рукой
Изобразил художник в ней суровый,
Как пред кумиром мученик святой
Лежит в цепях и палачи с живого
Сдирают кожу... Вид картины той,
Исполненный жестокого искусства,
Сжимает грудь и возмущает чувство.
Но в дни тоски, мне все являясь снова,
Упорно в мысль вторгается она,
И мука та казнимого святого
Сегодня мне понята и родна:
С моей души совлечены покровы,
Живая ткань ее обнажена,
И каждое к ней жизни прикасанье
Есть злая боль и жгучее терзанье.*

Осень 1870

Вновь растворилась дверь на влажное
крыльцо,
В полуденных лучах следы недавней
стужи
Дымятся. Теплый ветер повеял нам в
лицо
И морщит на полях синеющие лужи.

Еще трещит камин, отливами огня
Минувший тесный мир зимы напоми-
ная,
Но жаворонок там, над озимью звеня,
Сегодня возвестил, что жизнь пришла
иная.

И в воздухе звучат слова, не знаю чьи,
Про счастье, и любовь, и юность, и до-
верье,
И громко вторят им бегущие ручьи,
Колебля тростника желтеющие пе-
рья.

Пускай же, как они по глине и песку
Растаявших снегов, журча, уносят во-
ды,
Бесследно унесет души твоей тоску
Врачующая власть воскреснувшей при-

роды!

25 декабря 1870

Про подвиг слышал я Кротонского бойца,
 Как, юного взвалив на плечи он тельца,
 Чтоб силу крепких мышц умножить
 постепенно,
 Вкруг городской стены ходил, под ним
 согбенный,
 И ежедневно труд свой повторял, пока
 Телец тот не дорос до тучного быка.

В дни юности моей, с судьбой в отважном споре,
 Я, как Милон, взвалил себе на плечи горе,
 Не замечая сам, что бремя тяжело;
 Но с каждым днем оно невидимо росло,
 И голова моя под ним уж поседела,
 Оно же все растет без меры и предела!

Май 1871
 НА ТЯГЕ

Сквозит на зареве темнеющих небес
 И мелким предо мной рисуется узором
 В весенние листья едва одетый лес,

На луг болотистый спускаясь косо-
ром.

И глушь и тишина. Лишь сонные дроз-
ды

Как нехотя свое доканчивают пенье;
От луга всходит пар... мерцающей
звезды

У ног моих в воде явилось отраженье;

Прохладой дунуло, и прошлогодний
лист

Зашелестел в дубах... Внезапно легкий
свист

Послышался; за ним, отчетисто и
внятно,

Стрелку знакомый хрип раздался
троекратно,

И вальдшнеп протянул – вне выстрела.

Другой

Летит из-за лесу, но длинною дугой
Опушку обогнул и скрылся. Слух и зре-
нье

Мои напряжены, и вот через мгнове-
нье,

Свистя, еще один, в последнем свете

дня,
Чертой трепещущей несется на меня.
Дыханье притаив, нагнувшись под осиной,
Я выждал верный миг – вперед на поларшина

Я вскинул – огонь блеснул, по лесу грянул гром —
И вальдшнеп падает на землю колесом.
Удара тяжкого далекие раскаты,
Слабея, замерли. Спокойствием объятый,

Вновь дремлет юный лес, и облаком седым
В недвижимом воздухе висит ружейный дым.
Вот донеслась еще из дальнего болота
Весенних журавлей ликующая нота —

И стихло все опять – и в глубине ветвей
Жемчужной дробью защелкал соловей.
Но отчего же вдруг, мучительно и странно,
Минувшим на меня повеяло нежданно

*И в этих сумерках, и в этой тишине
Упреком горестным оно предстало
мне?*

*Былые радости! Забытые печали!
Зачем в моей душе вы снова прозвуча-
ли
И снова предо мной, средь явственного
сна,
Мелькнула дней моих погибшая весна?*

Май 1871

«...» В самом течении и ритме стихов дышит у него [4] радость жизни; часто внутренним зрением улавливаешь на его лице веселую, шутивную, порою – насмешливую улыбку. Иной раз даже льется через край страстное, взволнованное и волнующее чувство. Хочется вздохнуть всюю грудью, хочется крикнуть, – нужны междометия, звуки без понятий, один припев:

*Гой, ты, родина моя!
 Гой, ты, бор дремучий!
 Свист полночный соловья!
 Ветер, степь да тучи!
 «Почуяло сердце, что жизнь хороша», и
 потому
 Сердце скачет лихо:
 Ой, ладо, лель-люли!*

У него есть, у Толстого, неудержимый восторг перед счастьем бытия, перед радостью дыхания, и прямо из души выливается один из прекраснейших звуков русской поэзии – эта светлая волна ранней весны, этот вечно свежий, полный восхищения и грусти клик человеческого сердца:

*То было в утро наших лет —
О счастье! о слезы!
О лес! о жизнь! о солнца свет!
О свежий дух березы!*

Он вообще – поэт весны; так сказать, несомненная, очевидная, всем нравящаяся, она, приспособленная к общечеловеческому вкусу, является и его любимым временем года, «зеленеет в его сердце». Правда, отдельными мотивами есть у него и песнь об осени, о которой он так прекрасно говорит, что она наступает, когда «землей пережита пора роскошных сил и мощных трепетаний, стремленья улеглись», – но не эта «последняя теплота» природы влечет его преимущественное внимание. Нет, майское, счастливое, ласковое – вот что ликующими ручейками звенит у него в стихах, и кого не возбудит эта божественная игра, которая разыгрывается в свежем, в зеленом, в лесу молодом, где синеет медуница, где черемуха гнет свои пушистые ветви?

*Теперь в ветвях березы
Поют и соловьи,
В лугах поют стрекозы,*

*В полях поют ручьи,
И много в небе рея
Поет пернатых стай —
Всех месяцев звончее
Веселый месяц май!*

От этой звонкости «сердце млеет и кружится голова», и недаром Канут, ослепленный природой, обманутый коварной, усыпляющей властью весны с ее шиповниками и соловьями, не чуял близкий гибели, беды неминуемой, — напрасно предостерегала его любящая супруга, напрасно взывала к нему: «Любимый, желанный, болезный»...

Но в земной весне с ее васильками и синими кувшинчиками поэт не остался, веселый месяц май не удовлетворяет его и ощущается им как некая часть, которой он не в силах слить с целым. Подавленный своею дробностью и разрозненностью, Толстой всегда чувствует отдельно землю и отдельно небо; у него есть соседство двух миров, но не их тожество, на которое способна только душа внутренне претворяющая. Вселенная распадается для него на два полушария — не слито, не достигнуто великое Одно. И потому он ча-

сто в разных формах говорит о том, что душа его влекома в беспредельное, чувствует незримое, но что в то же время он не чужд и здешней жизни – она лишь не кажется ему «окончательной целью». Ибо цель – в цельности.

*Гляжу с любовью на землю,
Но выше просится душа*

– вот искреннее признание Толстого. Он любит землю, но возносится над нею и в своей лирике запечатлел отрадную – быть может, от других унаследованную, отчасти на веру принятую – веру, что земное не есть начало и не есть завершение жизни. Его религиозное чувство, правда, сильно умерено его эстетизмом, но в самой эстетике его, в его поэзии таятся и воспоминания о сверхчувственном и надежды на него. Он смотрит на жизнь, и ему кажется:

*Все это было когда-то, —
Но только не помню когда.*

Юрий Айхенвальд

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной,
И зелень рош сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пела звонко,
И в завитках еще в бору
Был папоротник тонкий.

То было раннею весной,
В тени берез то было,
Когда с улыбкой предо мной
Ты очи опустила.

То на любовь мою в ответ
Ты опустила вежды —
О жизнь! о лес! о солнца свет!
О юность! о надежды!

И плакал я перед тобой,
На лик твой глядя милый,
То было раннею весной,
В тени берез то было!

То было в утро наших лет —
О счастье! о слезы!

*О лес! о жизнь! о солнца свет!
О свежий дух березы!*

М^{*ай 1871*}

Прозрачных облаков спокойное движение,
Как дымкой солнечный перенимая свет,
То бледным золотом, то мягкой синей тенью
Окрашивает даль. Нам тихий свой привет
Шлет осень мирная. Ни резких очертаний,
Ни ярких красок нет. Землей пережитая
Пора роскошных сил и мощных трепетаний;
Стремленья улеглись; иная красота
Сменила прежнюю; ликующего лета
Лучами сильными уж боле не согрета,
Природа вся полна последней теплоты; —
Еще вдоль влажных меж красуются цветы,
А на пустых полях засохшие былины
Опутывает сеть дрожащей паутины;
Кружась медленно в безветрии лесном,
На землю желтый лист спадает за листом;

Невольно я слежу за ними взором дум-
ным,
И слышится мне в их падении бесшум-
ном:
– Всему настал покой, прими ж его и
ты,
Певец, державший стяг во имя красо-
ты;
Проверь, усердно ли ее святое семя
Ты в борозды бросал, оставленные все-
ми,
По совести ль тобой задача свершена
И жатва дней твоих обильна иль скуд-
на?

Сентябрь 1874

Земля цвела. В лугу, весной одетом,
Ручей меж трав катился, молчалив;
Был тихий час меж сумраком и светом,
Был легкий сон лесов, полей и нив;

Не оглушал их соловей приветом;
Природу всю широко осеняв,
Царил покой; но под безмолвной тенью
Могучих сил мне чуялось движенье.

Не шелестя над головой моей,
В прозрачный мрак деревья улетаю;
Сквозной узор их молодых ветвей,
Как легкий дым, терялся в горней дали;

Лесной чебёр и полевой шалфей,
Блестя росой, в траве благоухали,
И думал я, в померкший глядя свод:
Куда меня так манит и влечет?

Проникнут весь блаженством был я новым,
Исполнен весь неведомых мне сил:
Чего в житейском натиске суровом
Не смел я ждать, чего я не просил —

То свершено одним, казалось, словом,
И мнилось мне, что я лечу без крыл,
Перехожу, подъят природой всею,
В один порыв неудержимый с нею!

Но трезв был ум, и чужд ему восторг,
Надежды я не знал, ни опасенья...
Кто ж мощно так от них меня от-
торг?
Кто отрешил от тягости хотенья?

Со злобой дня души постыдный торг
Стал для меня без смысла и значенья,
Для всех тревог бесследно умер я
И ожил вновь в сознаньи бытия...

Тут пронеслось как в листьях дунове-
нье,
И как ответ слышалось мне:
Задачи то старинной разрешенье
В таинственном ты видишь полусне!

То творчества с покоем соглашенье,
То мысли пыл в душевной тишине...
Лови же миг, пока к нему ты чуток, —
Меж сном и бденьем краток промежу-
ток!

М*ай – сентябрь 1875*

Во дни минувшие бывало,
Когда являлася весна,
Когда природа воскресала
От продолжительного сна,
Когда ручьи текли обильно
И распускалися цветы,
Младое сердце билось сильно,
Кипели весело мечты;

С какою радостью чистой
Я вновь встречал в бору сыром
Кувшинчик синий и пушистый
С его мохнатым стебельком;
Какими чувствами родными
Меня манил, как старый друг,
Звездами полный золотыми
Еще никем не смятый луг!

Потом пришла пора иная,
И с каждой новою весной,
Былое счастье вспоминая,
Грустней я делался; порой,
Когда темнели неба своды,
Едва шептались тростники,
Звучней ручья катились воды,
Жужжали поздние жуки,
Казалось мне, что мне не даром

*Грустить весною суждено,
Что неожиданным ударом
Блаженство кончится должно.*

...

...

Как часто ночью в тишине глубокой
Меня тревожит тот же дивный сон:
В туманной мгле стоит дворец высо-
кий

И длинный ряд дорических колонн,
Средь диких гор от них ложатся тени,
К реке ведут широкие ступени.

И солнце там приветливо не блещет,
Порой сквозь тучи выглянет луна,
О влажный берег порой лениво плещет,
Катясь мимо, сонная волна,
И истуканов рой на плоской крыше
Стоит во тьме один другого выше.

Туда, туда неведомая сила
Вдоль по реке влечет мою ладью,
К высоким окнам взор мой пригвозди-
ла,
Желаньем грудь наполнила мою

...

...

Я жду тебя. Я жду, чтоб ты склонила
На темный дол свой животворный
взгляд,
Тогда взойдет огнистое светило,

*В алмазных искрах струи заблестят,
Проснется замок, позлатятся горы
И загремят невидимые хоры.*

*Я жду, но тщетно грудь моя трепещет,
Лишь сквозь туман виднеется луна.
О влажный берег лишь лениво плещет,
Катясь мимо, сонная волна,
И истуканов рой на плоской крыше
Стоит во тьме один другого выше.*

ГАРАЛЬД СВЕНГОЛЬМ

*His voice it was deep
like the wave of the sea.
Его голос звучал как морская волна.
Мрачен взор был грозящих очей,
И была его длань как погибель сильна,
Сердце зыблемой трости слабей.
Не в кровавом бою он врагами убит,
Не грозюю повержен он в прах,
Под могильным холмом он без раны
лежит,
Сам себе разрушитель и враг.
Струны мощные арфы певец напрягал,
Струны жизни порвались в нем,
И начатую песню Гаральд не скончал,
И лежит под могильным холмом.*

*И сосна там раскинула силу ветвей,
Словно облик его, хороша,
И тоскует на ней по ночам соловей,
Словно песню кончает душа.*

В АЛЬБОМ

*Стрелок, на той поляне
Кто поздно так бежит?
Что там в ночном тумане
Клубится и кипит?*

*Что значит это пенье,
И струн в эфире звон,
И хохот, и смятенье,
И блеск со всех сторон?*

*– Друзья, то вереница
Волшебниц и сильфид;
Пред ними их царица
Воздушная бежит;*

*Бежит глухой дорожкой,
Мелькает вдоль реки, —
Под маленькою ножкой
Не гнутся стебельки.*

*Ей нет красавиц равных,
Ее чудесен вид,*

И много бардов славных
Любовью к ней горит;

Но бойся, путник смелый,
В ее попасться сеть
Иль кончик ножки белой
Нечаянно узреть.

Когда луна золотая
Глядит в зеркало вод,
В лучах ее играя,
Как сон она плывет;

Наступит ли денница,
Она спешит уж прочь;
Пушок – ей колесница,
Ее отчизна – ночь.

Лишь в сумерках застанет
В лесу она стрелка,
Зовет его и манит
К себе издалика,

Скользит над влагой зыбкой
Среди глухих болот
И странника с улыбкой
Над пропастию ждет.

Сильфид она всех краше,
Волшебниц всех милей;
Седые барды наши
Горят любовью к ней;

Но бойся, путник смелый,
В ее попасться сеть
Иль кончик ножки белой
Нечаянно узреть.

Примечания

1

27 июля 1861 г. Толстой сообщил жене из Петергофа, что хочет написать Александру II о своей отставке в Крым, так как «говорить теперь невозможно». Александр II уехал в Крым 6 августа 1861 г. Указ об увольнении Толстого датирован 28 сентября. Этим определяется дата письма.

2

Л. А. Перовского.

3

Ср. с дошедшим до нас отрывком из другого недатированного письма Александру II, написанного позже: «Ваше величество, есть два вида преданности своему монарху: один состоит в том, чтобы всегда быть одного мнения с ним и скрывать от него все, могущее возбудить в нем неудовольствие, уменьшая в его представлении силу и значительность идей, стоящих в противоречии с его системой управления; подобная преданность, когда она не есть предательство, могла бы быть названа преданностью лакея или человека близорукого. Другой – истинный вид – преданности

состоит в том, чтобы показывать монарху все вещи в их подлинном свете, предупреждать, когда надо, об опасности, какая она есть, и – в согласии с совестью и в меру разумения каждого – предлагать наилучший в данных обстоятельствах способ действия. Такова, государь, моя преданность Вам. Не занимая никакого официального положения, не принадлежа ни к какой партии, я имею возможность слышать все мнения, подводить им совокупный итог и делать из них заключения, которые Вашему величеству существенно было бы знать...»

4

А. К. Толстого